
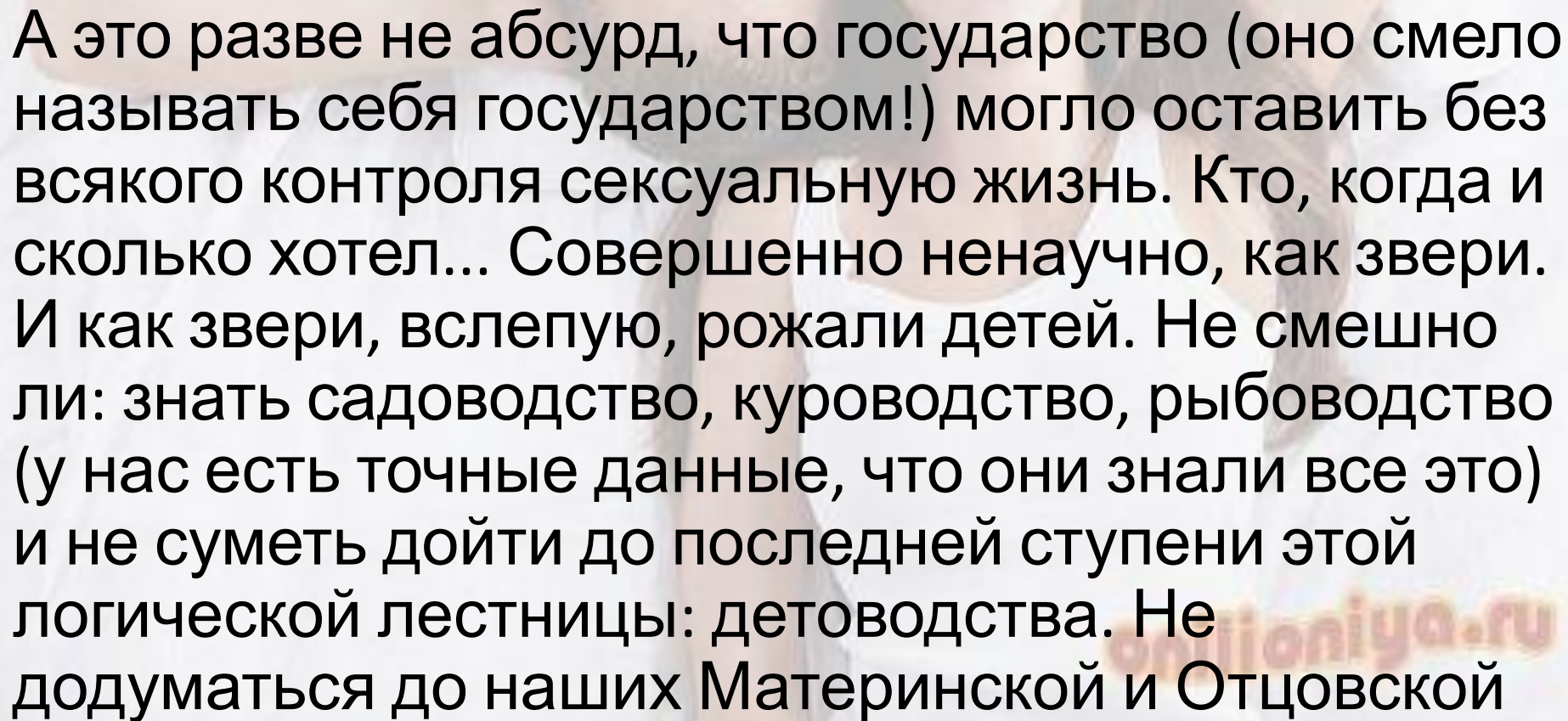

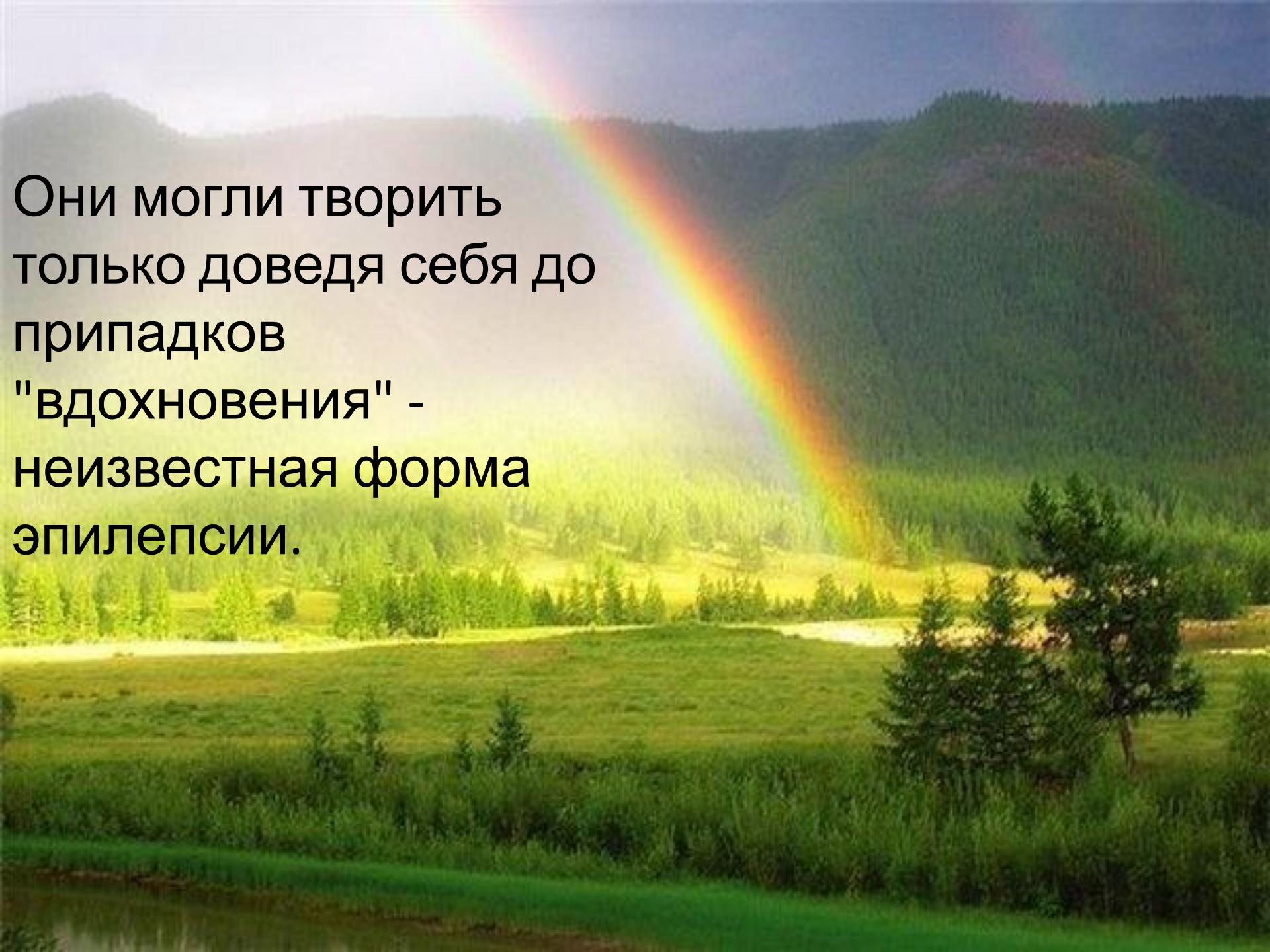
**Евгений
Замятин
«Мы».
Цитаты.**

A grayscale photograph of a hand holding a pair of sunglasses. The hand is positioned on the left side of the frame, with the thumb and index finger gripping the temples of the sunglasses. The sunglasses have a dark, reflective lens and a thin metal frame. The background is a plain, light-colored surface. The overall image has a soft, slightly blurred quality.

Уж лучше бы
молчала - это было
совершенно ни к
чему. Вообще эта
милая О... как бы
сказать... у ней
неправильно
рассчитана
скорость языка,
секундная скорость
языка должна быть
всегда немного
меньше секундной
скорости мысли, а
уже никак не
наоборот

А это разве не абсурд, что государство (оно смело называть себя государством!) могло оставить без всякого контроля сексуальную жизнь. Кто, когда и сколько хотел... Совершенно ненаучно, как звери. И как звери, вслепую, рожали детей. Не смешно ли: знать садоводство, куроводство, рыбоводство (у нас есть точные данные, что они знали все это) и не суметь дойти до последней ступени этой логической лестницы: детоводства. Не додуматься до наших Материнской и Отцовской

A vibrant rainbow arches across a lush green valley. The foreground features a river reflecting the sky, surrounded by dense green vegetation. The middle ground shows rolling hills covered in a mix of green trees and grass. In the background, dark, forested mountains rise against a bright sky. The overall scene is peaceful and scenic.

Они могли творить
только доведя себя до
припадков
"вдохновения" -
неизвестная форма
эпилепсии.

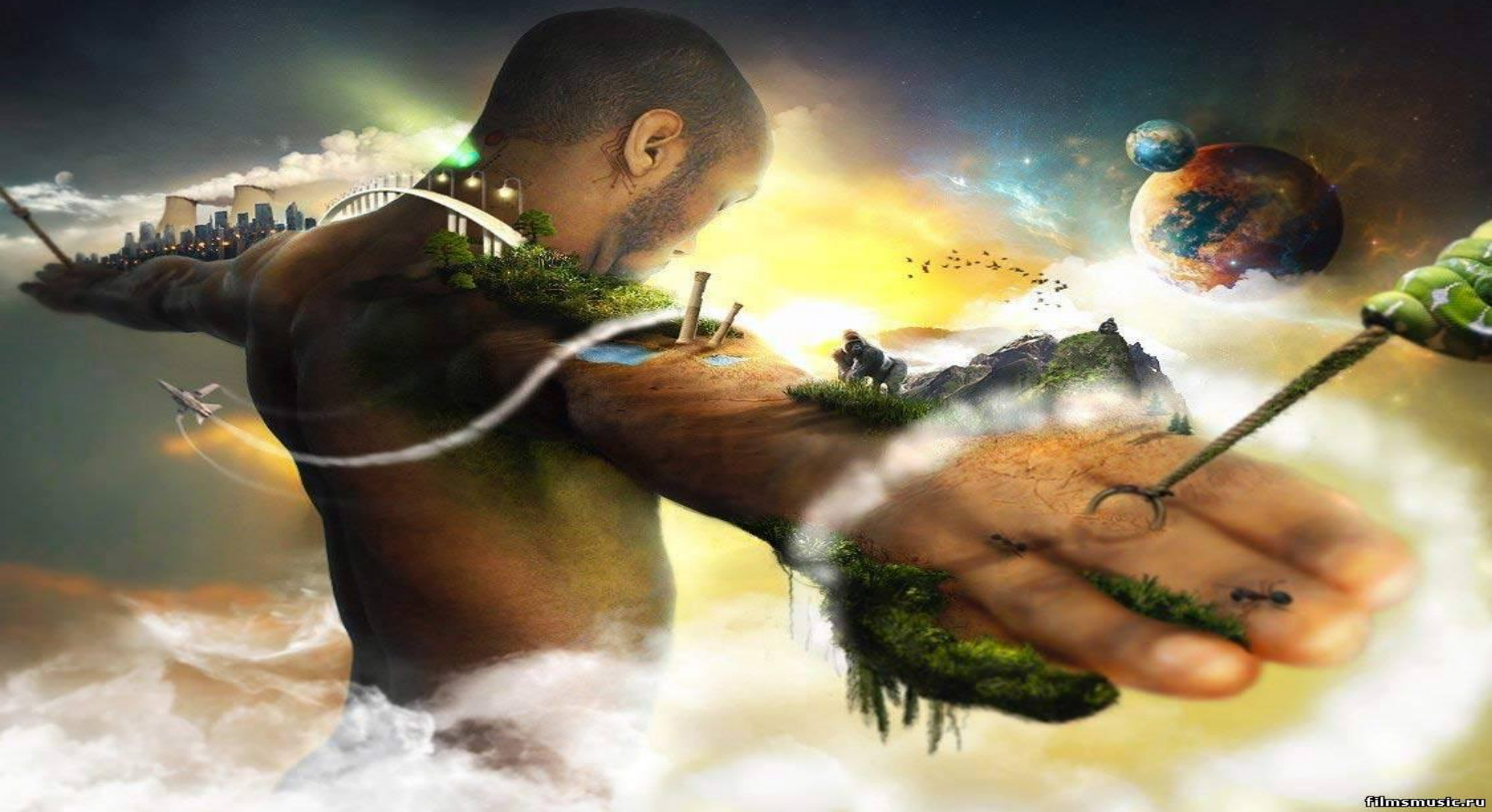

Но не ясно ли: блаженство и зависть - это числитель и знаменатель дроби, именуемой счастьем... Естественно, что, подчинив себе Голод (алгебраический=сумме внешних благ), Единое Государство повело наступление против другого владыки мира - против Любви. Наконец и эта стихия была тоже побеждена, т. е. организована, математизирована, и около 300 лет назад был провозглашен наш исторический "Lex sexualis": "всякий из номеров имеет право - как на сексуальный продукт - на любой номер".

Вечер. Легкий туман. Небо задернуто золотисто-молочной тканью, и не видно: что там - дальше, выше. Древние знали, что там их величайший, скучающий скептик - Бог. Мы знаем, что там хрустально-синее, голое, непристойное ничто. Я теперь не знаю, что там я слишком много узнал. Знание, абсолютно уверенное в том, что оно безошибочно, - это вера. У меня была твердая вера в себя, я верил, что знаю в себе все.

Я записываю это, только чтобы показать, как может странно запутаться и сбиться человеческий - такой точный и острый - разум. Тот разум, который даже эту, пугавшую древних, бесконечность сумел сделать удобоваримой - посредством...

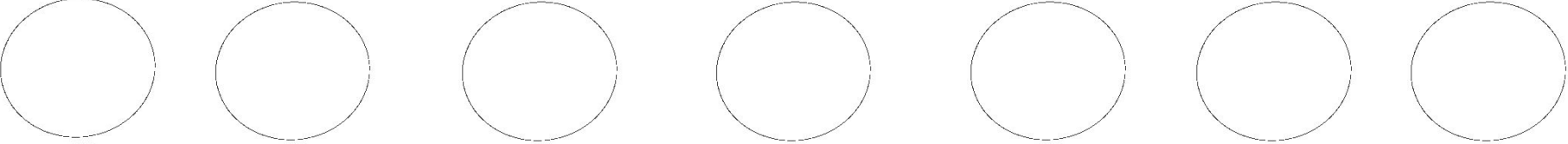

Вы вдумайтесь. Тем двум в раю - был предоставлен выбор: или счастье без свободы - или свобода без счастья, третьего не дано. Они, олухи, выбрали свободу - и что же: понятно - потом века тосковали об оковах.

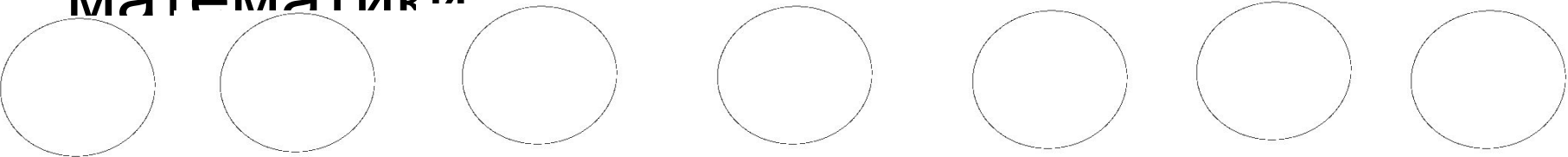

Неужели все это сумасшествие - любовь, ревность - не только в идиотских древних книжках? И главное - я! Уравнения, формулы, цифры - и... это - ничего не понимаю! Ничего...

...все будет просто, правильно и ограничено, как круг. Я не боюсь этого слова - "ограниченность": работа высшего, что есть в человеке - рассудка - сводится именно к непрерывному ограничению бесконечности, к раздроблению бесконечности на удобные, легко переваримые порции - дифференциалы. В этом именно божественная красота моей стихии --
математика

- Да, хорошо... - вслух сказал я себе. И потом ей: - О ненавижу туман. Я боюсь тумана.

- Значит - любишь. Боишься - потому, что это сильнее тебя, ненавидишь - потому что боишься, любишь - потому что не можешь покорить это себе. Ведь только и можно любить непокорное.

...самое
мучительное - это
заронить в
человека
сомнение в том,
что он -
реальность,
трехмерная - а не
какая-либо иная -
реальность.

Мы идем - одно миллионоголовое тело, и в каждом из нас - та смиренная радость, какою, вероятно, живут молекулы, атомы, фагоциты. В древнем мире - это понимали христиане, единственные наши (хотя и очень несовершенные) предшественники: смирение - добродетель, а гордыня -- порок, и что "МЫ" - от Бога, а "Я" - от диавола.

Ну да, ясно: чтобы установить истинное значение функции - надо взять ее предел. И ясно, что вчерашнее нелепое "растворение во Вселенной", взятое в пределе, есть смерть. Потому что смерть - именно полнейшее растворение меня во Вселенной. Отсюда если через "Л" обозначим любовь, а через "С" смерть, то $L=f(S)$, то есть любовь и смерть...

Какой абсурд -
хотеть боли. Кому же
непонятно, что
болевые -
отрицательные
слагаемые
уменьшают ту сумму,
которую мы
называем счастьем.
И следовательно...

...сердце - не что иное, как идеальный насос; компрессия, сжатие - засасывание насосом жидкости - есть технический абсурд; отсюда ясно: на сколько в сущности абсурдны, противоестественны, болезненны все "любви", "жалости" и все прочее, вызывающее такую компрессию

Дети - единственно смелые философы.
И смелые философы - непременно дети.

Голова у меня раскакивалась, два логических поезда столкнулись, лезли друг на друга, крушили, трещали...

Почерк – мой.

И дальше - тот же
самый почерк, но - к
счастью, только почерк.
Никакого бреда,
никаких нелепых
метафор, никаких
чувств: только факты.

